

крадем у других их духовность. И эта мысль остро прослеживается у Елены при попытке понять Марка: «...я грабил... и становился тенью того, кого грабил. Я... ему... им... подражал. Я сам... не осознавал этого... тогда. Сейчас... знаю... Подражал, чтобы... стать как они... стать — ими...» — или еще: «...вот они почему бывают-то, воры. Они мечтают — прожить — не свою жизнь. Хотят прожить — сотню, тысячу чужих жизней». Но здесь есть важная разница: если вор украл вещь, то он оставил владельца без его вещи, если украли мысль, то она клонировалась и появилась в двух вариантах — у владельца и у вора. Причем, и это тоже важно, они не совсем одинаковые, они окрашены субъективностью носителя. Достаточно вспомнить слова Иешуа Га-Ноцри из романа «Мастер и Маргарита»: «...ходит, ходит один с козлиным пергаментом и непрерывно пишет. Но я однажды заглянул в этот пергамент и ужаснулся. Решительно ничего из того, что там написано, я не говорил».

В некоторый момент я выложил в сетях пост из цикла «Диаграммы метафизики», где сообщалось, что человек, страстно любящий жизнь, вряд ли создаст что-то по-настоящему новое. Новое может создать тот, кто любит смерть, поскольку все новое рождается из небытия, и такой человек всегда несколько сумасшедший. И эта мысль коррелирует с финишным заикливанием романа, где в итоге оказывается главным героем не вернувшийся сын, а лечивший его отец. И тот срок, на который отец продлил жизнь Марка, позволил сыну осознать все свои ошибки и принять такую жизнь, которая состоялась. Это позволило перейти сыну на белую сторону. И это — сильнейшая мысль, что необходимо бороться до тех пор, пока еще жизнь теплится, и что срок отпущен не зря и не впустую.

Таким образом, есть надежда, что роман Крюковой, насыщенный глубокой метафорикой разных уровней и такими же глубокими смыслами, позволит состояться стадии Имаго читателя и преобразиться ему из гусеницы в бабочку.

Михаил СТРИГИН

ПИСАТЕЛЬ — ЭТО СЛОВАРЬ

Появилась третья книги прозы⁵ Веры Григорьевны Резник, члена Союза писателей Санкт-Петербурга, известного переводчика испаноязычных авторов, среди которых Хорхе Луис Борхес, Мигель де Унамуно, Ортега-и-Гассет и множество других. Известна Вера Григорьевна и как блестящий преподаватель Университета культуры и искусств, чей курс лекций по зарубежной литературе назван одним из лучших. Сборник ее лекций уже трижды переиздавался с неизменным успехом.

Но очевидно, что работа с чужими текстами не исчерпывает до конца творческий потенциал Веры Резник, ведь мы видим выходящей уже третью книгу собственной прозы Веры Григорьевны. Ей принадлежит афоризм, что писатель — это словарь, выстраивающий мир. Творить мир по своим законам тому, кто умел подчиняться воле других авторов, проникая в их сознание, следуя их путями, это, наверно, один из сладчайших соблазнов, доступных филологу, это почти попытка к бегству в собственную вселенную. И я склонна всячески приветствовать такое стремление, потому что счастлива от чтения текстов, в которых так значимо точно найденное слово, ощущается игра со стилем дорогих мне писателей, которые как бы просвечивают сквозь прозу автора, высекая из меня изумление и радость от узнавания и вместе обретения новых смыслов от этой игры. Чехов и Тургенев, Набоков и Платонов — я их слышу, читая при этом виртуозного современного писателя. Как важно, чтобы тексты вбирали

⁵ В. Резник. Петровская дюжина. СПб.: РХГА, 2021.

в себя культуру прошлого, создающую их глубину, чтобы фраза строилась людьми, понимающими и ценящими язык в его изощренности. Для достижения подобного результата требуется мастерство профессионала, положившего жизнь на обретение высокой культуры высказывания. Такая проза встречается нас в книге Веры Резник «Петровская дюжина», куда вошли уже публиковавшийся «маленький роман» «Персонажи альбома» с новой главой, а также дополненные рассказы «Из жизни Петрова» и «Люди, животные и внешняя природа».

О, дивный Петров, описанием походов которого открывается книга! Ни одно из малейших оттенков настроений и ощущений не пройдет мимо героя, способного пропустить сквозь себя поток времени и созерцать неповторимость жизни в малейших ее проявлениях. «Когда листья сорвало и унесло и все предстало как есть, в Петрова вошла жизнь старухи с селедками. И прибавилась к Петрову. С ним такое бывало неоднократно. Поначалу он от непрошенных вторжений страдал и досадовал на внутреннюю душевную дезорганизацию, а потом привыкал к тому, каким становился». Герой обретает «расширившееся поле зрения» и начинает видеть невидимое другими. Так, сам о том не ведая, благодаря автору рассказов получает он исключительное свойство художника, его сверхчувственное восприятие «ощущать все стихии как свои». И этим пронзительным взглядом Петров начинает проникать все на свете, ведя за собой читателя, обретающего на этом пути свежие впечатления новизны привычной картины мира. Герой серьезен, а рассказчик ироничен, и от этого сочетание читатель получает огромное наслаждение.

«Петров зажмурился и отвернулся от наваждения. „Как это так получается, что была жизнь... и нет ее?“ — задал он себе вопрос. Вопрос повис в воздухе и висел в нем до тех пор, пока Петров снова не открыл глаза. Зато когда он открыл глаза — вопрос растворился. „Нет, просто исключительная заливная осетрина...“ — донесся до открывшего глаза Петрова ликующий голос хозяина. „Подумать только, осетрина...“ — громко отозвался Петров и направился к накрытому столу».

Двенадцать рассказов вместили в себя почти всю жизнь человека, от детства до смерти. Отношения с матерью, неустроенность личной жизни, немного нелепую неудачливость, поэзию и прозу повседневности, поиск и обретение вечного смысла и почти трагическое одиночество на краю судьбы — все есть в этих двенадцати рассказах, в образах людей и животных, отраженных в сознании поразительного Петрова.

Рассказы «Люди, животные и внешняя природа» погружают читателя в жизнь деревни, описанную сквозь непростые взаимоотношения ее жителей с их собаками и кошками. Быт современной малолюдной деревни, забытой в вязком провинциальном времени, мало изменился с переменой идеологии. Как жили от пенсии до пенсии, так и живут. Но население деревни теперь разнообразят приезжие дачники из интеллигентов, изумляющие коренное население сложными умственными построениями. Безусловная симпатия автора достается их питомцам, каждая собачья или кошачья индивидуальность описана с любовью и сочувствием. Людям везет меньше. Автор видит их лицемерие, иногда жестокость, но и способность к раскаянию. История с кошечкой, вначале взятой с мороза, а позже в сердцах выкинутой обратно, описана с диккенсовской пронзительностью. Картина жизни современной деревни печальна. Печальна и интонация рассказа:

«Вблизи по железной дороге пролетают со свистом „Сапсаны“, они летят из одной большой жизни в другую большую жизнь. Это жизни, в которых обитают люди с масштабными мыслями и соответствующим этому умственному масштабу имуществом. Между тем из-за „Сапанов“, чтобы им не мешать, электрички не ходят, связи между деревнями нет — в промежутках стоит гробовая тишина, и чистого воздуха вдоль, как на кладбище».

Последнюю часть сборника являет, как определяет автор, «маленький роман» «Персонажи альбома», дополненный новой главой.

Девять глав «маленького романа» о персонажах семейного альбома. Строго говоря, альбомов два. Как две эпохи было у страны, в которой живут герои романа. Один альбом, главный, принадлежит семье Марьи Гавриловны, жены доктора-психиатра Петра Петровича Берга, в доме которого происходят многие события. Имя Марьи Гавриловны заставляет вспомнить героиню «Метели» Пушкина из «Повестей Белкина», и не случайно. Это — память прежней культуры XIX века. Культуры, окрашенной тонкой иронией Пушкина о «книжности» просвещенного слоя дворянской России, отвлеченно относившегося к жизни и эту жизнь в итоге проигравшего. Встреча Марьи Гавриловны с ее будущим мужем в главе «Захватывающая радость» выдержана в духе романтического канона письма Татьяны Онегину: «Ты чуть вошел, я вмиг узнала...». «В ту сорокалетней давности минуту январского дня, когда розовощекого с мороза Петра Петровича неожиданно представили молодой дальней родственнице, и сам доктор и протянувшая ему руку безучастная девица согласованно стеклянно улыбнулись, не успев рассмотреть друг друга, а столкнувшись взглядами, растерялись и обморочно побледнели, забыв о рукопожатье...» Прямо финал «Метели»: «Бурмин побледнел... и бросился к ее ногам...»

Эти люди, эти отношения, эти ощущения жизни кончились историческим переломом. Герои это понимают: «То время, в котором они так хорошо пили чай и принимали гостей, кончилось, и ни о каком сопротивлении космическим стихиям речи идти не может». Муж-доктор странно исчезает, а Марья Гавриловна переезжает в деревню подальше от событий. Эти люди старой культуры становятся «бывшими». Кто же приходит им на смену? И здесь возникает другой семейный альбом, в котором представлены «два поколения удюшенных полнокровием предков» прежнего маляра, которого исторические перемены вознесли на должность управляющего уездом председателя. В большие начальники попал он случайно, но в свете исторических реалий закономерно. Так же закономерно, как кончилось время обрусевших немцев-психиатров Бергов и Фогелей, пытавшихся как-то лечить хаос в душах своих русских пациентов. Более того, попытка сблизиться с новой властью и служить ей приводит доктора Фогеля к самоубийству. «Доктор Фогель еще раньше все сам сообразил, произнес непонятную фразу о порче, случающейся с каждым, кто входит в общение с убийцей...».

Семейный альбом, заведенный Марьей Гавриловной, содержащий образы людей, которые являлись родственниками по духу, а не по плоти, пролистан рассказчиком, вспоминающим свое прошлое на закате жизни в старом ветшающем доме под стук дождевых капель сквозь прохудившуюся крышу. Поэтическая интонация финала, тургеневская или бунинская, пронзительно трогающая сердце, обращена к тем, кто тоже близок по духу...

«Ресницы у меня отчего-то увлажняются, я выплываю из полусна, картинка постепенно тает — мне неожиданно приходит на ум, что, быть может, я и есть та самая флейта, на которой все тише и тише играет музыку время».

Вспоминать, прочувствовать, переосмысливать прошлое — значит воскрешать его для будущего, спасать от забвения, то есть смерти памяти, обретать его заново для себя и для других. Окрашенная личным глубоким чувством, пронизанная острым и умным взглядом проза Веры Резник заслуживает духовно близкого читателя, для которого станет прекрасным переживанием.

Ирина СНЕГОВАЯ